

Юрий Бычков

В ЖИЗНИ ЧЕТО
ТОЛЬКО НЕ БЫВАЕТ

УДК 821.161.1
ББК 84 (2 Рос=Рус) 6-44
Б95

Бычков Ю.А.

Б95 В жизни чего только не бывает. – М.: Пробел-2000,
2013. – 544 с.

ISBN 978-5-98604-372-2

Сага рода Бычковых, книга-альбом. Автор старался рассказывать не всё подряд про успехи и потери рода, существование которого прослежено на протяжении полутора веков, а лишь судьбоносные, общественнозначимые сюжеты, поражающие тем, насколько непредсказуема данная нам в ощущениях реальность. Книга наполнена воспоминаниями о встречах со многими выдающимися людьми – художниками, актёрами, писателями, государственными деятелями.

Литературно-художественное издание

Бычков Юрий Александрович

В ЖИЗНИ ЧЕГО ТОЛЬКО НЕ БЫВАЕТ

Корректор – *Н.А. Карелина*

Компьютерная вёрстка и редактура – *И.А. Плигин*

Подписано в печать 07.03.2013. Формат 60х90/16. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Объем 34 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии издательства "ПРОБЕЛ-2000".

Тел. (495) 287-06-19; e-mail: probel-2000@mail.ru

ISBN 978-5-98604-372-2

© Бычков Ю.А., текст, 2013
© ООО "ПРОБЕЛ-2000",
оригинал-макет, 2013

ДОМ И ЕГО ХОЗЯЕВА

Сколько он видел и слышал, знает сколько! Только вот не говорит. Молчун он, старый дом, родительский дом. А как хочется, чтобы он заговорил. Низ – каменный, верх – деревянный. Дом Бычковых. Таких характерных для эпохи пореформенного капитализма зданий в Лопасне десять, не более. Возраст у дома почтенный – сто тридцать лет. Фрагменты биографий, сюжетные ходы и описания саги «В жизни, чего только не бывает» связаны с Домом. Сегодня он не принадлежит Бычковым. Герои этой книги либо завершили свой жизненный путь, либо сменили адрес. Автор со свойственной ему непринуждённостью, вспоминает, рассказывает о том, чего забывать не следует. По ходу повествования он нет-нет, да и возвращает читателя в дом Бычковых, в свою прошлую жизнь.

В доме Бычковых за его долгий век, кто только не побывал – разного калибра, разной общественной значимости персоны. Дом у дороги... Собственно, сам дом – порождение дорог, движения, настойчивого стремления к росту, развитию. Не так-то всё просто – вершилось сие с большим на-

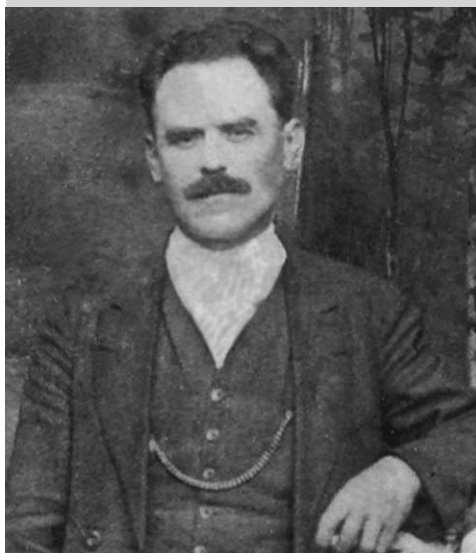

Дом Бычковых. 1885 год

пряжением нравственных и физических сил.

Дом построил в 1885 году мой прадед Сергей Алексеевич Бычков, как теперь бы сказали, представитель малого бизнеса. Он держал извоз – по нынешнему транспортную контору. Значительных доходов это лошадиное дело, видимо, не приносило, а честолюбие у Сергея Алексеевича было превеликое.

Извоз – дело перспективное, полагал мой прадед. Конечно, у него не столь внушительная внешность; не то, что у того рыжего богатыря Толоконникова из Угрюмова, что угодил в Петербург личным кучером императора Александра III, которому служил верой и правдой. Выполняя заказы лопасненских купцов-предпринимателей, Сергей Алексеевич, будучи человеком жениховского возраста, не желал поверять на себе до старости справедливость пословицы: «И в раю жить тошно одному», приглядел невесту с приданым, которое, как он полагал, ему само собой в руки идёт. Отец невесты – лесоторговец. Стало быть, следует ожидать, что приданое будет в виде леса на постройку дома для молодых, а это обеспечит всё его будущее. Ан нет! Купчина ограничился вещевым приданым, понимая, что сама невеста – редкостный бриллиант. Матрёна Дмитриевна – красавица, умница, а отдаёт он её в жёны неказистому, тороватому, расчетливому и нахрапистому мелкому предпринимателю. Видать, сваты сумели пыль в глаза пустить бегичевскому толстосуму, до Лопасни-то от села Бегичева два десятка вёрст – ври сваха вволю! Что собой представлял жених, если говорить о сущности и наруж-

*Сергей Алексеевич Бычков.
От него род лопасненских
Бычковых пошел*

Московская улица старинной Лопасни

В. Пукирев. «Приём приданого по росписи»

ности Сергея Алексеевича? Невысокий, приткий, расторопный и сообразительный. Пара, право, забавная: у Матрёны Дмитриевны, когда они стояли рядом, его, начинающая лысеть макушка, торчала на уровне её правой подмышки. Она снисходила, гладила темечко Сергея. Он, словно опасаясь ласки молодой жены, ёрничая, шутил:

– Голову любят, а волосы дерут.

Отец мой, Александр Иванович Бычков, рассказывал, что слышал это от бабушки Матрёны. Память у отца, слава Богу, была хорошая, а я записал слово в слово – откровение о взаимной нелюбви Сергея и Матрёны.

Говорила Матрёна Дмитриевна так:

– Дед твой меня не любил, да и я тоже терпела его с большим трудом. Злыдень, что тут иное скажешь. Бывало подходит к построенному им дому Сергей Алексеевич, дед твой, и все собаки и куры бросаются в разные стороны от его крика и шума.

Добрая, красивая, со склонностью к дородности, сильная, терпеливая необычайно, Матрёна порой взглядывала на мужа, как смотрят большие люди на малорослых – снисходительно. Это его заводило либо на любовь, либо на битьё. Высокая, статная, в чёрном шёлковом платье, на пышные плечи накинута гипюровая шаль: на диво хороша Матрёна Дмитриевна! А его от этого злость берёт. Поведёт она плечом – ему мнится, будто она кого к себе манит, и он тотчас съездит ей кулаком по шее, причёску испортит. И пошёл, и пошёл на неё

*Такой мне виделась
Матрёна Дмитриевна, –
купчихой, как на этом
замечательном рисунке
Б. Кустодиева*

Сергей Алексеевич и Матрёна Дмитриевна Бычковы с дочкой Маней

наскакивать с кулаками. Недоумение и сарказм вызывает поговорка: «Бьёт – значит любит». Супружеский долг – дело святое! В нелюбви этой нажили они семерых детей!

– Ну, что ты, Серёжа, разошёлся: бьёшь и бьёшь?! Все руки себе отбил, дурачок.

Начало этому битью было положено, когда они ещё были молодожёнами. Бил он Матрёну, понуждая идти к её родному батюшке и просить дать денег на строительство нового дома. Дескать, прибавления в семействе ждём, первенца – сына. Откуда он знал, что родится сын?! Матрёна, которая была на сносях, никак не могла позволить себе явиться в отчий дом попрошайкой. Тогда Сергей надумал сломить её волю ямщицким манером. В зимнюю пору это было. Сергей

с Матрёной проезжали мимо дома её родителей. Муж, выпихнув из саней беременную супругу в снег, перепоясал её со злобой кнутом и приказал:

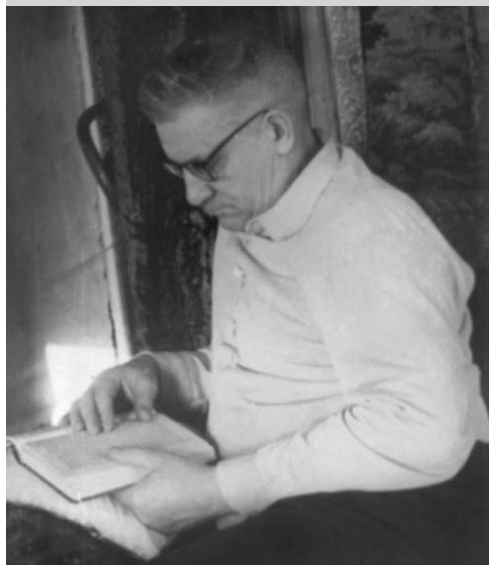
– Иди к отцу, проси помочь с домом; пусть денег даст и лесу. Без денег не возвращайся! – и умчался...

Да убоится жена мужа, так было в ту пору. Матрёна вернулась к злыдню-мужу на следующий день, молча передала завёрнутые в платок восемь сторублёвых ассигнаций. Произнесла только два слова: «Лес даст». Дом в один сезон построен был. Горя в новом доме было куда больше, чем радости и семейного счастья.

В 1967 году я обратился к родному батюшке, как начинающий литератор: «Отец, опиши свою жизнь и происхождение, расскажи, что знаешь, думаю, мне это когда-нибудь пригодится», – и оказался прав, пригодилось. Написанную отцом «Исповедь» читаю и перечитываю – цены ей нет! Изложенная им краткая история рода – ось событий, стержень родословной саги «В жизни, чего только не бывает». Так названа книга по двум причинам. Первая: кому интересен банальный пересчёт-пересказ всех, кто в родословную

В 1967-м году забрезжила в моём сознании идея родовой саги. Подтолкнула к этому «Сага о Форсайтах». Я долго, с наслаждением, небольшими порциями вкушал грандиозный семейный роман Джона Голсуорси. Мне грезилось, что когда-нибудь возьмусь за беллетризованную историю рода Бычковых

Мой отец – Александр Иванович

ведомость мог де-юре быть включён, но де-факто того не заслуживает, поскольку для цели и парадоксально-интригующего характера моего повествования интереса не представляет, до заявленного названия книги не дотягивает. Вторая: роман, в основе документальный, представляет сюжетную канву из острых положений и споров со здравым смыслом. А в жизни, как известно, чего только не бывает! Я, по сути, рассказываю историю реальную, но во многом необыкновенную. Разумеется, «Исповедь» отца пригодилась, и каждое слово в ней на вес золота – повод для размышлений, отгадывания ребусов и загадок, таинственных недомолвок. Отец писал, тщательно обдумывая и взвешивая факты и обстоятельства родовой истории. Думал, размышлял. Комментарии к его сообщениям и умозаключениям, разумеется, неизбежны, поскольку необходимо осмыслить, связать воедино события, житейские сюжеты, расположенные на временном просторе почти что в полтора столетия. «Исповедь» отца в соответствии с заказом сына в некотором смысле летопись, родовая хроника. Вот её конспект:

«Я, Бычков Александр Иванович, 11 октября 1906 года рождения. Появился на свет в селе Лопасня Серпуховского уезда Московской губернии. Дом, в котором живу по сей день, строил мой дед (по отцу) Бычков Сергей Алексеевич. Когда я родился, его уже не было – умер он очень рано, «сгорел», как свеча».

Необходимо остановить тут бег пера Александра Ивановича и объяснить с читателем. Рассказ «Дом» из книги «Сказать да не солгать», который теперь мною по необходимости преобразуется, писался в 2008 году, тогда я не добрался в своём большом, толком не систематизированном архиве до «Исповеди» отца и основывался лишь на устных рассказах и воспоминаниях родственников. Бухгалтерская основательность, педантичность «Исповеди» делает это письменное свидетельство предпочтительнее прочих источников, хотя ими я и не думал пренебрегать, как не следует и мне всё сказанное отцом считать истиной в последней инстанции. Год смерти корневого предка, Сергея Алексеевича Бычкова, не 1908-й, а 1906-й, может даже более ран-

ний, но не раньше 1902-го, который в хронике Александра Ивановича отмечен как год рождения младшего сына строителя дома Бычковых – Дмитрия Сергеевича. Тут загадка непростая. Что за хвороба злая унесла на тот свет прадеда моего в сорок с небольшим лет?

«Со слов бабушки Матрёны Дмитриевны, дед был небольшого роста, очень энергичный, подвижный, шумливый не в меру. Занимался он извозом: имел пару кляч и доставлял разные материалы со станции Лопасня или из Серпухова на текстильную фабрику Медведевых в селе Венюково».

Есть основания предположить, что извозом мой прадед начал заниматься в Серпухове, откуда он и появился в данном образе в Лопасне, доставляя грузы из пакгаузов железнодорожной станции Серпухов Медведевым и другим заказчикам. А далее по пословице: «Едет дядя из Серпухова: усы разглаживает, а денег нет». Нет денег, так будут! Внук Сергея Алексеевича, Александр, никогда не выдавший деда (бабушка Матрёна, наверное, не рассказывала внуку, как на самом деле всё устроилось), излагает историю их женитьбы в умильном, буколическом ключе.

«Когда он женился, то перед родителями невесты поставил условие. Они должны были дать лес на строительство дома и помочь деньгами на его постройку. Так и произошло».

СЕРПУХОВЪ - SERPOUKHOFF Видъ на Серпейку

Здание вокзала начала XX века.

На подобной привокзальной бирже решались все вопросы извоза

Полузнание, куда хуже незнания. Как на самом деле произошло, читателю уже рассказала Матрёна Дмитриевна. Ей ли не помнить мужнино наставление после битья кнутом! Только успевай прояснять «Исповедь» отца комментариями. С какой стати отец мой излагал ситуацию со строительством дома в столь благопристойном виде? Возможно, умевший существовать в конфликтной среде бесконфликтно Александр Иванович (талант был у него такой и золотое сердце) опасался, как бы я не опозорил описанием неблагоприятного поступка целеустремленного строителя дома и основателя рода Сергея Алексеевича Бычкова. «Вдруг Юрка, – думал он, – будучи крутым журналистом и спецкором, некстати попытается поставить у позорного столба прадеда своего – безвестного подрядчика о двух клячах со сбруей впридачу – в шумной газетной публикации общероссийского масштаба».

Отец зря опасался. Мой прадед не так уж и плох при всём его своенравии: надрывая невеликие силы свои (умер в сорок два года!), норовил выйти в люди. Как он эту задачу понимал? «Не я, – рассуждал Сергей Алексеевич, – так дети мои, внуки и правнуки достигнут настоящих высот в общественном положении». Здравое, мудро рассуждал! Строил двухэтажный дом, полагая: с этой «кочки» подалее видать!

Типичный бродяга

За годы супружества Сергей и Матрёна нажили семерых детей: двух девочек – Сашу и Дуню, мальчиков – Колю, Ваню, Сашу, ещё одну дочь Маню и последыша Митю, 1902 года рождения! Что же из них вышло на поверку? Какими уродились дети, как распорядились даром жизни внуки и правнуки?

В «Исповеди» мой отец, естественно, свидетельствовал прежде всего наиболее полно о втором колене Бычковых, к коему сам принадлежал. Впрочем, краткие справки дал обо всех Бычковых.

«Первые по годам рождения две особы женского рода жили благопристойно, семейно, тихо, воды не замутив. У тёти Дуни было единственное дитё – дочь Серафима, многие годы работавшая, на радость всем лопасненцам, в единственном на двухтысячеголовое население райцентра книжном магазине. Я и моя семья как раз через неё узнали, что такое подписные издания, модные новинки, нестареющая литературная классика. Её заботами всё это оказывалось в нашем доме, помогало растить порядочных детей.

Тётя Саша – отрезанный ломоть: на особинку жила в Москве, в Лопасню не приезжала.

Сыновья Сергея Алексеевича и Матрёны Дмитриевны, Коля и Саша, были, как тогда их именовали, «коты», то есть люди без определённых занятий, бродяги. Бродяжничали они «от Москвы до самых до окраин» – по всей необъятной России: путешествовали, подсобляя, когда попросят, побираясь и подворовывая. Слово «путешественник» и тут попадает в самую точку. Бродяг бородатых, «бешпашпортных» арестовывали в Бийске или Чердыни и доставляли этапом (пешком под конвоем) на постоянное место жительства, то есть в Лопасню, в дом Бычковых.

Солдат с ружьем, сдав в семью Колю или Сашу, отбывал на место службы. Доставленные по этапу дядя, один или другой, кратковременно проживали в доме Бычковых, а затем неисправимые бродяги вновь устремлялись в неведомые дали. Сергей Алексеевич занят извозом и потому «дома не наследует». Так говорили в старой Лопасне. Всё время в пути, весь в делах и обязательствах. Постоянно при лошадях. Матрёна Дмитриевна – хозяйка, при доме, при детях, при скотине. Привязана крепче, чем собака цепью к будке. Дети! Семеро их! Вообразить трудно, как она управлялась.

Чердынь начала XX века

*Центр старой Лопасни. Базарный день.
Бурное торжище заполнило всю главную Московскую улицу*

А как всё началось? Сашка маленького роста, юркий, как мышь. Вот только что вертелся под ногами и нет его, исчез. Иван, погодок Сашки: спокойный, обстоятельный, вдумчивый мальчик. Всё чего-нибудь мастерит. Всегда готов подсобить матери. А Сашка – егоза, домой щей похлебать забежит один раз в день и всё. Вечно крутится меж крестьянских возов на огромном базаре, что протянулся от каланчи пожарной на северной окраине Лопасни до церкви Зачатия святой Анны на юге торгового села. Ушёл однажды и не вернулся, кто-то заметил и передал Матрёне: «С цыганами он», – видать, сильно поманила кочевая таборная жизнь. Два года спустя привели его под конвоем как пойманного в сибирском городе Бийске бродягу. Пожил с неделю Сашка и опять утёк, а вдобавок к нему прилепился Коля. Этот, как телок, даром, что «Бычком» прозывали. Стало двое бродяг в «порядочном», вроде бы, доме...

Сердобольная, Матрёна Дмитриевна ничего не могла поделать с беспутными сыновьями. Ветер странствий

гнал их вдаль, как сор вдоль пыльных дорог. Древний родовой инстинкт брал своё, по-видимому, казацкие гены Сергея Алексеевича, прибывшего из степных краев в Серпухов, а затем перекочевавшего в Лопасню. Беспаспортные бродяги-арестанты, конечно же, не делали чести роду Бычковых.

Не стоит грешить на Матрёну Дмитриевну и Сергея Алексеевича, несправедливо упрекать в том, что детей куча мала, а заметных на фоне российской общественной жизни не видать. Разве что Иван выделяется: мастеровой-то он знатный, что и говорить! Слесарь-лекальщик – незаменим в любом машинном производстве. Дети у Ивана и Анны на славу удались! Высокие, статные: Александр, Софья, Сергей. Сам Иван и Александр, старший сын Анны, выходит, – ростовая почка генетического древа Бычковых.

Подрастали дети Ивана и Анны, рос духовный потенциал семьи. К счастью, сохранились три карточки, заказанные у прекрасных московских фотографов, держателей

Бийск начала XX века

специализированных ателье. Фото начала 1907 года – перед вами. Молодая семья с первенцем, сыном Александром. Что сказать об Анне и Иване? Серьезные молодые люди: несомненно чадолюбивые, собранные, умные, работающие, о чем можно с уверенностью утверждать, взглянув на руку Ивана, оказавшуюся на первом плане. Под стать и хорошо видимая рука Анны – не барская, а трудовая и ласковая в то же время.

На снимке 1912 года – супруги Бычковы с уже подросшим Александром. Двадцатипятилетний Иван Сергее-

Супруги Бычковы с уже подростком Александром. 1912 год

Мой дед Иван Сергеевич (слева) перед отправкой на фронт. 1914 год

вич с пронизательным, пытливым взглядом карих глаз, с закрученными по моде усами, в элегантной косоворотке с изящной вышивкой по вороту, выглаженном, хорошего кроя сюртуке – рабочий-интеллигент. Новоявленное творение индустриального века, человек, обуянный какой-то поразившей его мыслью, не отпускающей его ни на минуту.

Третья портретная сессия явила крупную личность: человека вполне зрелого, задетого чем-то важным, сокровенным, далеким от окончательного разрешения. На его крупном, можно уже сказать породистом лице лежит печать серьёзной задумчивости. Фотография 1914 года. Иван Сергеевич и два сослуживца перед отправкой на фронт. Сделаю дерзкое предположение: тридцатилетний рабочий военного завода, уникальный специалист (слесарь-лекальщик, создатель моделей новых образцов оружия), отец трёх детей мог быть мобилизован в первые дни войны и тут же отправлен в действующую армию только по одной причине – замечен в сотрудничестве с социал-демократами...

Но не будем больше строить догадок, пришла пора вернуться непосредственно к «Исповеди» отца: начертанные крепким мужским почерком буквы, как солдаты в строю. Кратко, без лишних сантиментов сообщают они о горемычной Мане: «Тётю Маню никто долго не брал замуж, и она успела прослыть вековухой (одинокой женщиной, не бывшей замужем, что считалось зазорным). Наконец, её выдали замуж на Старое Бадеево за престарелого Сергея Константинова».

Тётка Маня уже старушка, но, став почтенной Марией Сергеевной, едва ли не ежедневно, у меня на глазах, семенила со Старого Бадеева в Лопасню, райцентр, по всяким надобностям: на базар или в собес, на почту или в промтоварный магазин, к закадычной подруге пропустить по стопке, за самоваром почесать язык, ведь посплетничать всегда поводы найдутся. И ещё успеть в церковь Зачатия святой Анны завернуть по богоугодной надобности: когда отстоять заутреню, когда обедню, когда вечерню или всенощную; поставить свечи угодникам во здравие и за упокой. Всё успевала совершить ушлая тётя Маня.

Анна Игнатьевна, моя бабушка, о которой вот-вот пойдёт речь, Маню (так она её прозвала, и этого принижающего достоинство пожилой женщины прозвища всегда придерживалась) не привечала из-за пустоголовой болтовни этой не особо чтимой близкой родственницы. Но, по правде сказать, вреда Маня не наносила дому Бычковых, в коем появилась на свет в своё время. Что делать, бывает из колосьев при молотье выходят налитые ядрёные зерна и непременно пустая, легкая, летучая мякина.

*Анна Игнатьевна
с внуком Володией. 1947 год*

О младшем сыне Сергея Алексеевича, дяде Мите, мой отец в «Исповеди» повествует ровным, сочувственным тоном: «Дядя Митя лет до девятнадцати жил в лопасненском отчем доме, работал связистом-монтёром, а затем уехал в Москву. Служил в ГПУ. Последнее время (пятидесятые годы – Ю.Б.) работал во Львове начальником областного управления госбезопасности. Последний раз я его видел, когда он заезжал к нам после того, как побывал в Москве по вызову – ему вручали орден и присвоили очередное воинское звание. Здоровье дяди Мити после покушения на него бандеровцев было плохое. Он переехал с семьей в подмосковный город Пушкино, где вскоре умер».

Есть такая профессия – Родину защищать. Дмитрий Сергеевич Бычков из когорты рыцарей, стоящих на защите безопасности нашей страны. Поклон светлой памяти твоей, дорогой Дмитрий Сергеевич, младший из детей прадеда моего, Сергея Алексеевича Бычкова.

«Исповедь» отца продиктована принципом – «Сказать да не солгать». Но мне показалось обидным то, что как-то бесчувственно, кратко и туманно высказался о своём родном отце Александр Иванович, мой отец.

В чём же дело? Долго мучила меня эта загадка. Вот она:

«Отец мой, Иван Сергеевич, был квалифицирован токарем по металлу и дереву, но тоже изрядно зашибал. Работал в разных городах, но в основном в Москве и у Медведевых в Венюкове. Отца я хорошо помню. Мне было восемь лет, когда в 1914 году его взяли на войну, с которой он не вернулся». И это всё... Странная запись – в ней ни любви, ни памяти отчётливой почему-то нет. Думаю, бабушка моя, Анна Игнатьевна, жена Ивана Сергеевича, будучи в уме и здоровой памяти, много раз вспоминая погибшего на войне мужа, в разговорах со мной произносила «был он слесарем-лекальщиком», а не токарем по металлу и дереву, как пишет автор «Исповеди». Слесарь – это специалист по ручной выделке, сборке и доводке металлических изделий, токарь же занят обточкой материалов на токарном станке. Вольно бухгалтеру не знать этого, не видеть разницы между ручной и машинной, токарной обработкой материалов! Прадед мой, работал, главным образом, в Москве на военном заводе слесарем-лекальщиком и не имел никакого отношения к медведевской текстильной фабрике в Венюкове. А эти небрежно брошенные три обидных слова – «тоже изрядно зашибал», непонятно с какой стати сказанные?! Александр Иванович, видимо, почему-то таил обиду на своего отца. Возможно, он запомнил Ивана Сергеевича как-то пришедшего с работы навеселе. С кем такого не бывало? Зачем надо было припоминать такое? Сказал, как отрезал. У Александра Ивановича был излюбленный афоризм: «Семь раз отмерь – один раз отрежь». Отец забыл почему-то сообщить, кого подразумевал под словом «тоже». Кто «тоже зашибал»? Строитель дома Сергей Алексеевич? Или во время оно сам мемуарист, автор «Исповеди», мужчина богатырского телосложения, ростом под метр девяносто и косая сажень в плечах ведь «тоже зашибал»? Отец всегда презирав табачное зелье да и на всех встречах с друзьями бывал лишь навеселе, не более. «Только бы пить, гулять, да дела не знать», – это не про него. Отец – кремень: в семьдесят лет, на пенсии, он сказал как-то во время застолья себе и нам, своим сыновьям, мне и Володе: «Больше ни рюмки, никогда, ни при каких уговорах!» И слову своему, как всегда,

был верен, капли больше в рот не взял! Почему же бросил он упрек своему отцу – «зашибал»? Слово жёсткое, осуждающее.

Повторюсь, в воспоминаниях о своём не вернувшемся с войны муже, Анна Игнатьевна, справедливая, несентиментальная, говорила только доброе. Их совместную супружескую жизнь помнила, как лучезарное счастье. Я вглядываюсь в портрет Ивана Сергеевича времени их счастья и не могу себе представить его пьянчугой, «зашибалой». На прямой вопрос мой бабушка так же прямодушно ответила: «Выпивал, но ума никогда не пропивал». Эта формула ставит всё по местам. Влечение к алкоголю в роду Бычковых не заметить нельзя. В зрелые годы, получив похоронку на мужа, стала систематически выпивать сестра отца Софья Ивановна. Во хмелю её благодушие, доброта, норовистость выходили из берегов и бывали чрезмерны и дурны. Младший брат отца Сергей Иванович тоже страдал от сей, поразившей значительную часть населения России зависимости от зелья.

Отец одарил меня замечательным качеством – отвращением к похмелью. Однако, и во мне опалённый спиртом ген крутится, «существует и ни в зуб ногой», как говорил поэт Маяковский. Праздники, встречи друзей без вина, крепких напитков я не признаю.

Л. Пастернак. «Письмо из дома»

«Исповедь» заставила меня крепко задуматься...

А идущие вслед поколения? Как дело обстоит у них? Мой сын – известный скульптор Сергей Бычков, переживший в постстуденческое время гульливое состояние, в двадцать пять прочно «завязал». Сергей крепко задумался и счёл это пристрастие недостойным православного, воцерковлённого христианина. Радуюсь за него, горжусь им и не только по этому вечно актуальному поводу.

В нашем лопасненском доме по стенам «зала», так называлась большая комната, по сути – гостиная, висели исполненные доморощенным местным живописцем, приятелем отца, копии знаменитых картин Третьяковской галереи: «Запорожцы пишут письмо турецкому султану» Репина, «Дети, убегающие от грозы» Маковского, «Мокрый луг» Васильева. Притягивала взгляд отличная репродукция в раме – картина «Письмо из дома» Леонида Пастернака.

Трое низших чинов, судя по всему квартиранты, поглощены содержанием письма, которое читает вслух самый молодой из них. Весточка из дома тревожит, озадачивает, прежде всего, того, кому она адресована. Интеллигентного обличья военный в глубокой задумчивости безвольно уронил руки с задержавшимся в них конвертом на колени. Всем

существом он погружен в тяжкие думы, и этим очень похож на Ивана Сергеевича Бычкова с фотографии, на которой он среди своих товарищей выделяется печальной думой и интеллигентностью. На характерном, мягком, славянском лице, всматриваясь, обнаруживаешь признаки печали, неизбывной тоски, душевного страдания. От сухой информации о жизни Ивана Сергеевича в «Исповеди», повторяюсь, веет плохо спрятанной обидой. Ищу истоки этой досады, холодности и долго не могу дойти до сути дела. Ведь автор «Исповеди», мой отец, совсем не «сухарь». Доказательство тому отрывок из той же «Исповеди»: «По линии мамы у меня была бабушка Алёна, у которой я был любимец. Гостинцы и ласки от неё получал постоянно. И я не смог, не успел отплатить ей за всю её доброту. Обещал ей, когда вырасту, куплю новую большую шаль. Она умерла в двадцать третьем году. Я – безработный, время страшное – голод, люди мрут, как мухи. Не успел я купить ей шаль...»

Мысль о скрываемой ото всех обиде автора «Исповеди» на Ивана Сергеевича, отца своего, не даёт мне покоя. Строю предположения, откуда взялась репродукция картины «Письмо из дома». Предполагаю, что кто-то, неизвестный мне, не просто так, а с дальним прицелом, неким намёком подарил эту картину. А может отец приобрёл ре-

Ветер истории в голове. Родословная...

продукцию в книжном магазине? Скрытый, разъедающий душу яд в ней. Неслучайна глубоко запрятанная обида, оттенок неприязни в строках «Исповеди», посвящённых Ивану Сергеевичу. «Что же это за тайна?» – огорчился своему неведению я.

Когда в девяностом году хоронили отца, прощание с покойным проходило у нас в доме, где Александр Иванович прожил все свои восемьдесят четыре года. Много народа в тот день поднялось на второй этаж. Не осознал, не понял я,

Александр Иванович Бычков

растерянный, опечаленный смертью отца, погруженный в сумятицу похорон, кто тот преклонных лет «доброжелатель», что, взяв меня за локоть, подвёл к картине «Письмо из дома» и, указав рукой, на героя жанрового полотна, тихо, стёрто, тоном деланной печали проговорил:

– Будто это дед твой, Иван Сергеевич, получил письмо из дома... Ишь как страдает в заграницье.

Помолчав, незнакомец добавил тоном констатации известного многим факта:

– Не погиб он в Восточной Пруссии. Оказался среди тысяч пленённых солдат и офицеров разгромленной армии Самсонова. Затем были – лагерь военнопленных за колючей проволокой, работа на военном заводе на Германию. В условиях продолжающейся войны, последовала революционная смута в России и Германии. В Австрии, где он оказался к тому времени, Иван Сергеевич был интернирован. В конеч-